

Исследовательская статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-115-137>

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СЕРИАЛЫ «ЗВЁЗДНЫЙ ПУТЬ» И «ВАВИЛОН 5» КАК ФОРМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУР

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

maksymkyrchanoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5» в качестве сегментов американской политической культуры и коллективной памяти. Цель исследования — проследить особенности развития коллективной исторической памяти на материале американской массовой культуры (представленной этими сериалами). На примере кейса актуализации политической проблемы через её визуализацию «в фантастическом мире» обсуждаются вопросы допустимости внешнего воздействия более развитых обществ на менее развитые; а также конкретные пути ассимиляции «политического» в визуальных дискурсах массовой культуры. Методологическую основу исследования составили принципы, предложенные в рамках мемориального поворота и анализа политики памяти в парадигме интеллектуальной истории. Новизна работы состоит в определении общих и уникальных особенностей и направлений ассимиляции «политического», редуцированного до проблемы вмешательства/невмешательства в современной массовой культуре и исторической памяти. В статье проанализированы 1) модусы актуализации политических и социальных различий между обществами в сериалах «Звёздный путь» и «Вавилон 5», 2) политические и идеологические измерения вмешательства через призму массовой культуры, а также аспекты функционирования различных мемориальных культур, возникших как следствие такого вмешательства, 3) проблемы памяти как травмы, полученной в результате вынужденного взаимодействия воображённых обществ, имеющих различные идентичности, в контекстах вероятного развития коллективной мемориальной культуры и преодоления «неудобного прошлого» через формирование компромиссного мнемонического канона. Показан вклад сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как элементов массового культурного дискурса в 1) дискуссии о развитии западной политической культуры, 2) изменение концептов Самости и Инаковости, 3) ревизию прошлого в массовой

культуре как форме исторической памяти, альтернативной другим её версиям, основанным на сознательно поддерживаемой социальной и культурной амнезии. Результаты исследования позволяют предположить, что ассимиляция «политического» в масс-культурном дискурсе стала 1) одним из стимулов идеологических модификаций и трансформаций современного общества, 2) формой продвижения принципов политической корректности и толерантности как её системных характеристик, 3) попыткой ревизии мемориального канона и интеграции в него альтернативного видения истории, основанного на актуализации маргинализированных пластов коллективной памяти.

Ключевые слова: массовая культура, сериалы, сериал Звёздный путь, сериал Вавилон 5, политическая культура, идентичность, память, контакт

Для цитирования: Кирчанов М.В. Научно-фантастические сериалы «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как формы конструирования политической и мемориальной культур // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 115–137. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-115-137>

Research article

SCIENCE FICTION SERIES *STAR TREK* AND *BABYLON 5* AS FORMS OF POLITICAL AND MEMORIAL CULTURES CONSTRUCTION

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Moscow, Russia
maksymkyrchanoff@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract. The author analyzes *Star Trek* and *Babylon 5* series as segments of American political culture and collective memory. The purpose of the article is to analyze how American popular culture, represented by the TV series, actualizes and visualizes the problems of the admissibility / inadmissibility of external influence / non-influence of more developed societies on less developed ones and demonstrates the features of collective memory developments. The author studies the assimilation of the *political* in the visual discourses of mass culture. Methodologically, the article is based on the principles proposed in the memorial turn and the analysis of the politics of memory within the paradigm of intellectual history. The novelty of the study lies in the analysis of common and unique features and directions of assimilation of the *political*, reduced to the problems of interference / non-intervention, in modern mass culture and historical memory. The article considers 1) the modes of actualization of political and social differences between societies in *Star Trek* and *Babylon 5* TV series; 2) the political and ideological dimensions of intervention through the prism of mass culture and aspects of the functioning of various memorial cultures; 3) the problems of memory as the trauma received during the forced interaction of imagined societies with different identities in the contexts of the development of collective memories and the *uncomfortable past* revision through the formation of a compromise memorial canon. The article shows the contribution of the series as elements of mass cultural discourse to the development of Western political culture and of Selfness and Otherness concepts, and indicates their role in the revision of the past in popular culture. The results of the study suggest that the assimilation of the *political* in mass cultural discourse became both an incentive for ideological modifications and transformations of modern society, and a form of promoting the principles of political correctness and tolerance as its systemic characteristics. Moreover, it can be

viewed as an attempt to revise the memorial canon and to enhance it by alternative visions of history, based on the revitalization of marginalized collective memories.

Keywords: popular culture, TV series, Star Trek, Babylon 5, political culture, identity, contact

For citation: Kyrchanoff, M. W. (2022) 'Science Fiction Series *Star Trek* and *Babylon 5* as Forms of Political and Memorial Cultures Construction', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 115–137. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-115-137>

Введение

В современном обществе коллективная память постепенно меняет пространства своего бытования и функционирования. На смену традиционным культурным и академическим институтам приходят новые участники, которые активно формируют представления о прошлом, потеснив в этом отношении «высокую культуру», а также образовательные и исследовательские среды. Одним из таких активных участников «проработки прошлого» становится массовая культура, в том числе, научно-фантастический кинематограф и такой частный случай его развития, как сериалы. Последние относятся к числу культурных продуктов, оперативно и чётко реагирующих на изменения политической ситуации и идеологической конъюнктуры. При этом уже начиная с середины 1960-х гг. западная киноиндустрия в её сериальной форме вносит заметный вклад в формирование и развитие политической культуры и идентичности современных обществ, включая коллективную память.

К началу 2020-х гг. в визуальном дискурсе современной массовой культуры, представленной научно-фантастическими сериалами, сложился сравнительно устойчивый перечень тем, которые регулярно используются как для «проработки прошлого», так и для культивирования и продвижения принципов, лежащих в основе текущего моделирования политического и культурного развития. Среди них особое место занимают вопросы внешнего вмешательства в развитие менее развитых обществ, что, по мысли создателей подоб-

ных культурных продуктов, может не только привести к изменениям, но и нарушить ход естественного функционирования социума, отразившись на его коллективной исторической памяти. Поставленная таким образом проблема, в свою очередь, тесно пересекается с вопросами ответственности, прав и свобод, политического и культурного разнообразия, которые являются фоном обсуждения темы допустимости (или, напротив, недопустимости) вмешательства в естественный ход исторической и социальной эволюции. Периодически создатели сериалов обращались также к темам исторического выбора, гендерного, расового и национального равенства, оправданности и легитимности протеста против насилия, авторитаризма и т.д.

Соответствующая проблематика визуализировалась в американских научно-фантастических сериалах уже с конца 1950-х гг., тем самым обществу предлагались те или иные подходы к решению подобных проблем вне «фантастического» контекста. В период второй половины XX – первой четверти XXI вв. можно выделить такие сериалы, как «За гранью возможного» (1963–1965, 1995–2002), «Нация пришельцев» (1989–1990), «Звёздные врата: SG-1» (1997–2007), «Дюна» (2000), «Дети Дюны» (2003), «Звёздные врата: Атлантида» (2004–2009), «Человек в высоком замке» (2015–2019), «Воспитанные волками» (с 2020 по настоящее время) и др. Все они внесли определённый культурный вклад в привлечение общественного внимания к проблеме памяти и связанной с ней проблеме политической ответственности, актуализируя различные «уроки» прошлого и интегрируя модусы их возможно-

го разрешения в контексты современной культуры. В данном исследовании решено было ограничиться анализом подобного культурного воздействия со стороны двух наиболее известных российскому зрителю сериалов — «Звёздный путь» и «Вавилон 5», которые, подобно другим проектам, стали частью истории массовой культуры современного западного общества.

В фокусе исследовательского внимания, как уже было сказано, оказались проблемы исторической памяти в контекстах ответственности за вмешательство/невмешательство более развитых обществ в жизнь менее развитых. Воображаемые социальные, политические и культурные миры вселенных сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5» позволили в данном случае провести культурфилософский анализ проблемы принятия массовым сознанием подходов к допустимости/недопустимости внешнего воздействия/невоздействия. Для достижения этой цели необходимо было решить ряд задач. Во-первых, проследить подходы к теме политической, социальной и культурной ответственности «воображаемых» обществ сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5», пребывающих в условиях контакта разных типов (контакта как сосуществования и контакта как конфронтации). Во-вторых, рассмотреть тему вмешательства/невмешательства как формы идеологически мотивированного политического воздействия различных акторов, отношения между которыми носят иерархический характер. В-третьих, выявить параллели между искусственно сконструированными обществами анализируемых сериалов и их реальными историческими прототипами, сложившимися в рамках американско-европейского политического опыта.

Методология и историография

Методологически статья основана на принципах, предложенных междисциплинарной историографией. В рамках данного подхода коллективная историческая память воспринимается как социальный и политический конструкт, а культурные реалии «вселенных» изучаемых сериалов

[Chavkin, McGuire, 2021] — как проекции исторического и идеологического опыта западного общества [Gonzalez, 2015].

Как известно, в научном изучении памяти на сегодня представлены как минимум два основных подхода. *Первое направление* ограничено нарративно-дискурсивными исследованиями. Память воспринимается здесь как совокупность нарративов, предлагаемых интеллектуалами, вовлечёнными в идеологически мотивированные интерпретации прошлого. При этом предполагается, что нарративные стратегии формирования памяти универсальны: большинство участников исторической памяти конструирует свои представления о прошлом через нарративные пространства, представленные текстами, ориентированными на массового читателя как потребителя и носителя памяти. В центре *второго направления* изучения памяти — её интерпретации сквозь призму визуальности, что позволяют с известными оговорками рассмотреть её как совокупности стратегий, реализуемых массовой культурой. В рамках такого восприятия кинематограф обретает статус основного пространства функционирования мемориальных культур. С точки зрения данного подхода именно современное кино в состоянии ассимилировать социальные, политические и исторические «памяти». Подобная ситуация *ассимиляции дискурса визуальным* и смещения смыслов из текста в узком смысле в текст в более широком его понимании, включающем кинематограф, выглядит достаточно убедительно как минимум потому, что современное общество потребления активно применяет нарративные и визуальные тактики для формирования и продвижения идентичности. Что, в свою очередь, придаёт актуальность анализу как собственно дискурсивного, так и визуального компонентов коллективной памяти. Такое восприятие памяти позволяет избегать крайностей нарративного подхода, в том числе сведения коллективной исторической памяти до частного случая непосредственной дискурсивности.

Особенно важны для данного исследования идеи междисциплинарной историографии, которая специализируется на

анализе истории и современных тенденций и закономерностей развития массовой культуры [Delasara, 2015] как основы общества потребления в контекстах его интеллектуальной истории, истории идей, культуральной истории, воображения сообществ и изобретения традиций [Hall, 2021]. Предполагается, что коллективная историческая память воспринимается не как объективная реальность, но в большей степени именно (и прежде всего) как конструкт [Abbott, 2010]. В рамках такого понимания и социальные реалии [Kyrchanoff, 2018] современного западного общества [Kyrchanoff, 2020], и реалии его культурного опыта представляют собой проекции идеологического и исторического свойства [Cogan, 2011]. Исходя из этого методологического «бэкграунда» идеология в представленном исследовании также интерпретируется с позиций конструктивизма; её основными проводниками и популяризаторами выступают интеллектуалы, аудиторией — «массовый» потребитель. В свете такого подхода примеры массовой культуры, представленные сериалами, можно воспринимать в качестве не просто культурных, но и идеологических конструктов, с помощью которых их создатели стремятся привить обществу потребления те или иные смыслы, значения и интерпретации, в том числе — пригодные для ценностного ранжирования политических событий.

Важно подчеркнуть: в плане методологии данное исследование не может быть отнесено к разработкам, следующим в русле «классических» теорий памяти М. Хольбвакса [Halbwachs, 1925], П. Нора [Nora, 2010] и А. Ассманн [Assmann, 2010]. Прежде всего потому, что в нашем случае речь идёт не о «реальных» событиях исторической памяти, но прежде всего о проекциях мемориального опыта, включённых в контексты массовой культуры. Поэтому многочисленные аллюзии исторической памяти и формы «проработки прошлого» в научно-фантастических сериалах не могут быть определены в качестве «points de repère» (о чём писал М. Хольбвас) — ведь анализируемые здесь формы памяти не нарративны, но визуальны (хотя и марки-

рованы идеологически). Анализируемые в статье формы мемориальной культуры не могут быть отнесены и к описанным П. Нора «lieux de mémoire». Ведь «места памяти» соотносятся с реальным историческим наследием, политически, идеологически и символически важным для идентичности. Анализируемые же в статье формы мемориальности, наоборот, доводят до абсолюта функцию воображения и конструирования сообществ, *изобретая* для них память. Вместе с тем, разумеется, такие имагинативные мемориальные культуры не свободны от аллюзий на реальный опыт развития памяти Запада.

Поскольку в данной статье анализируются проблемы сочетания визуальности и нарративности в современной массовой культуре в контексте ассимиляции ею «политического», невозможно было обойти вниманием и те методологические принципы, которые были сформулированы европейскими историками Дерекком Фьюстером [Fewster, 2006], Дениссом Хановсом и Валдисом Тераудкалнсом [Hanovs, Tēraudkalns, 2012]: Фьюстер указал на потенциал взаимной ассимиляции и интеграции «политического» и культурных предпочтений национализирующегося сообщества, которые становились всё более массовыми, стандартизированными и унифицированными; Хановс и Тераудкалнс проследили взаимозависимость «политического» и визуального, их со-функционирование в условиях национального авторитаризма.

Однако при всём обилии научной литературы, посвящённой обозначенной выше теме, целый ряд аспектов ассимиляции «политического» массовой культурой в относительно «благополучном» обществе потребления, где коллективная память склонна подвергаться амнезии реальный исторический опыт национализма и национального авторитаризма, всё ещё не получил должного освещения и систематического научного рассмотрения [Gonzalez, 2018]. Так, затрагивая тему научно-фантастических сериалов, по сей день многие исследователи сфокусированы преимущественно на противопоставлении «массовой» и «высокой» культуры, редуцируя «массовое» (сериалы) до части

«низкой» культуры [MacCabe, 1986]. В этом случае любые сериалы рассматривают как сеть нарративов, не только коренящихся в западной (как правило, американской) коллективной памяти, но и фактически создающих её; а «заодно» некритически акцентируется сугубо прикладной, утилитарный и сервильный, характер сериала как универсальной модели развития массовой культуры [Dyson, 2015]. Справедливости ради следует отметить, что в исследовательской литературе представлен и другой подход, который интерпретирует кинематограф как сегмент массовой культуры, представляющий в сознании обывателя проекции современных политических проблем [Kück, 2020]. При этом обычно подчёркивается функциональный характер современного сериала как культурного явления, так как он может быть связан с формированием политических культур и продвижением опирающихся на них культурных идентичностей [Disch, 2000].

Односторонний характер упомянутых исследовательских ракурсов, заостряющих внимание на манипулятивной составляющей исследуемого явления, очевиден. Что, разумеется, никоим образом не перечёркивает достоинств этих подходов и ценность сделанных в ходе их развития открытий. Тем не менее, видится обоснованной попытка создать более объёмную процессуальную модель, которая учла бы недостатки предыдущих моделей и вместе с тем не потеряла бы их достоинств. Исследование проблемы интеграции памяти об ответственности за вмешательство/невмешательство развитых цивилизаций в функционирование менее развитых обществ и групп видится здесь почти идеальной «площадкой», поскольку эта тема составляет одну из основных сюжетных линий [Gonzalez, 2020] выбранных к рассмотрению научно-фантастических сериалов. Тем более очевидна актуальность системного обращения к ней.

Политический контекст

Отметим: изучение заявленной тематики приобретает особую значимость в начале 2020-х гг., когда не только тематические

диспропорции в исследовательской литературе, но и сама политическая динамика международных процессов стимулирует обращение исследователей культуры к проблемам коллективной памяти. Особую актуальность придают исследованию мемориальные конфликты, «войны памяти», активная политизация истории, её идеологизация, а также идеологически мотивированная инструментализация прошлого. Сегодня становится особенно заметно, что конфликтогенность различных восприятий прошлого, которые институционализированы в разных культурах памяти, проявляется не только в академической историографии и исторической политике, но и в массовой культуре. Культурные индустрии общества потребления, включая научно-фантастические сериалы, становятся пространством функционирования коллективной памяти, институционализированной в форме мемориальных канонов и мнемонических культур; символические ресурсы воздействия массовой культуры на потребителей (как граждан и потенциальных избирателей) последовательно интегрируются в механизмы мобилизации, используемые правящими элитами, которые активно оперируют не только идеологическими лозунгами, но и образами прошлого, если те применимы для решения политических задач.

Анализируемые в данной статье сериалы, рассмотренные как части культурной истории западного общества, могут таким образом восприниматься и как отражение и/или (ре-)интерпретация тех политических, социальных и экономических проблем, которые волновали их создателей. При этом *первым* историческим фактором, оказавшим сильное влияние на концепцию «Звёздного пути», была вторая мировая война, ветераном которой был, в частности, Джин Родденберри — автор идеи (концепции) сериала. Изначально Родденберри разрабатывал проект сериала о второй мировой войне, но концепция оказалась невостребованной рынком; тогда идея трансформировалась в фантастический сериал (с сохранением основных героев). *Вторым* фактором стало противостояние СССР и США в период «холодной войны», что от-

разилось в идее общего противостояния Федерации планет и Клингонской империи. Вместе с тем, советско-американское противостояние подтолкнуло создателей «Оригинального сериала» к примирению земных наций. Поэтому экипаж корабля интернационален, а один из ключевых героев, Павел Чехов, является русским. Третьим фактором стали военные конфликты второй половины XX в., включая войны в Корее и во Вьетнаме, что стимулировало распространение идей пацифизма, невмешательства и решения конфликтных ситуаций путём переговоров, что неоднократно актуализировалась в сериалах франшизы «Звёздный путь». Четвёртым фактором стал распад СССР и формальное завершение «холодной войны», что лишь трансформировало проявления международной напряженности — поэтому в сериалах «Звёздного пути» и в «Вавилоне 5», снятых на протяжении 1990–2010-х гг. переосмысливается опыт распада империй, постконфликтного урегулирования и примирения, международной интеграции, гражданских конфликтов, вмешательства армии, ведения переговоров и роли международных организаций. Причём, если сериалы 1960–1980-х гг. актуализировали реалии идеологической конфронтации и «холодной войны», показывая альтернативную утопическую Землю, преодолевшую политические разногласия и рецидивы блокового мышления, то проекты, снятые в рамках франшизы «Звёздный путь», в 2000–2020-е гг. визуализировали знаковые темы современного общества, включая преодоление расизма, феминизм и признание прав сексуальных меньшинств в мире, основанном на культурном и гендерном разнообразии.

Встреча миров как травма

Сюжетная линия, основанная на вынужденном контакте двух различных цивилизаций с разными моделями политической,

социальной, культурной и экономической организации общества в западном научно-фантастическом кинематографе, представленном сериалами-франшизам «Звёздный путь» и «Вавилон 5», успела стать общим местом. Начиная с 1966 г. мотивы столкновения/контакта/встречи культур и обществ, регулярно оказывались в центре различных сюжетных линий как сериалов, так и оригинальных фильмов относящихся в вселенной «Звёздного пути». И это несмотря на то, что образ воображаемой будущей Земли сконструирован как мультикультурное общество [Barber, 2017]. Не является исключением и «Вавилон 5», запущенный в 1994 г., а также связанные с ним проекты: через них в массовой культуре актуализируются и визуализируются различные модели и стратегии контактов обществ, имеющих различные культурные и политические основания. В этом смысле американские сериалы могут быть отнесены к «социально и политически активным телешоу», так как ими предлагается и продвигается «концепция альтернативного восприятия истории», позволяющая сформировать «увлекательное понимание исторической репрезентации» не в форме академического дискурса, но при помощи «перформанса, средств массовой информации и массовой культуры, способствующим диалогам об альтернативном прошлом, настоящем и будущем» [Rhodes, 2017: 34]. В самом деле, эпизоды «Звёздного пути» и «Вавилон 5» как правило основаны на противостоянии двух и более обществ. Если земное воспринимается как более развитое общество-донор, то инопланетные социумы редуцированы до реципиентов политических идей, ценностей и технологий землян (хотя некоторые герои «Оригинального сериала» пытались ставить под сомнение универсальность модели развития Земли, воспринимая общество, возникшее на ней исторически, как «механическое, электронное и не слишком гуманное»¹: так, в 23 эпизоде «Оконча-

¹ The Conscience of the King. Directed by Gerd Oswald. Written by Barry Trivers. Original air date: December 8, 1966. 34:49 – 34:55.

тельная победа» 2 сезона «Оригинального сериала» герои вынуждены столкнуться с двумя обществами, созданными потомками колонистов с Земли, разделёнными принципиальным политическим и этническим конфликтом²).

Мотивы универсальности конфликта и, как следствие, идеологически мотивированного насилия активно использовались создателями сериала «Звёздный путь: следующее поколение», что, например, относится к 16 эпизоду 1 сезона «Слишком короткий сезон»³, в котором земляне, формально представляющие технологически развитую цивилизацию, оказываются втянутыми в затяжной конфликт на планете Мордон-4. Конфликт актуализирует противоречия политики, основанной на Первой директиве, которая не допускает вмешательства в дела менее развитых обществ.

Сериал «Звёздный путь: Энтерпрайз» визуализирует не соблюдение, но нарушение Первой директивы в эпизодах «Цивилизация»⁴ и «Дорогой доктор»⁵, когда представители более развитой земной цивилизации оказываются вынужденными вмешаться в развитие менее развитых обществ. По мнению современных американских политологов, понятие Первой директивы возникло неслучайно. Джоэл Р. Кэмпбелл, политический эксперт, полагает, что её появление во франшизе «Звёздный путь» отражало не только стремление «не вмешиваться в нормальное развитие инопланетной цивилизации», но актуализировало «озабоченность Америки вмешательством в развивающиеся страны во время холодной войны, которое считалось необходимым для реализации доктрины сдерживания, но беспокоило многих граж-

дан, которые помнили антиколониальное происхождение Америки и хотели уважать собственные пути развития других стран»⁶.

Тем не менее, первый эпизод «Странные новые миры»⁷ первого сезона сериала «Звёздный путь: странные новые миры» актуализирует столкновение двух обществ, которое ведёт к вмешательству землян во внутренние дела менее развитого социума, основанного на милитаризме. Американские политические аналитики, указывая на важность массовой культуры в легитимации внешней политики, подчёркивают, что создателей большинства фантастических сериалов вдохновлял структурный реализм, который позволил им вообразить вселенную как «систему самопомощи, в которой планеты (читай государства) стремятся максимизировать свои планетарные (национальные) интересы посредством баланса сил, проецирования военной мощи и союзов»⁸. В этом контексте сериалы франшизы «Звёздный путь» актуализируют как политические, так и исторические нарративы.

Для современной массовой культуры, в которой дискурсивность формируется в большей степени не нарративами, а визуальными образами, именно нарративы предстают «не только как модели прошлых событий и процессов, но как метафорические утверждения, предполагающие отношение подобия между событиями, процессами и типами наррации, которые мы используем, чтобы наделить события культурно санкционированными значениями. Историческое повествование представляет собой не только воспроизведение сообщаемых в нём событий, но и комплекс символов, который даёт нам направление

² The Omega Glory. Directed by Vincent McEveety. Written by Gene Roddenberry. Original air date: March 1, 1968.

³ Too Short a Season. Directed by Rob Bowman. Story by Michael Michaelian. Teleplay by Michael Michaelian, D. C. Fontana. Original air date: February 8, 1988. 43 min. 35 sec.

⁴ Civilization. Directed by Mike Vejar. Written by Phyllis Strong, Michael Sussman. Original air date: November 14, 2001.

⁵ Dear Doctor. Directed by James A. Contner. Written by Maria Jacquemetton, Andre Jacquemetton. Original air date: January 23, 2002.

⁶ Campbell J.R. Star Trek: illustrating concepts of International Relations // Think. — 2016. — 28 Feb. — URL: <https://think.iafor.org/star-trek-illustrating-concepts-international-relations/>

⁷ Strange New Worlds. Directed by Akiva Goldsman. Teleplay by Akiva Goldsman. Story by Akiva Goldsman, Alex Kurtzman, Jenny Lumet. Original air date: May 5, 2022.

⁸ Campbell.

для поиска канонической структуры этих событий в нашей традиции» [Geraghty, 2007: 65]. Проблема в том, что и «Звёздный путь», и «Вавилон 5» склонны находить, воображать и изобретать, конструировать и санкционировать такие подобиya не при помощи культурных и социальных параллелей — на статус искомой «разрешительной» универсалии претендует насилие. Причём, если в сериалах франшизы «Звёздный путь» насилие актуализируется в результате контакта, то проект «Вавилон 5» актуализирует неизбежность насильственных действий как следствие совместного существования двух разумных видов, фактически существующих в сегрегированном социуме, так как их идентичности являются не только взаимоисключающими, но и отягощёнными различными версиями памяти. То есть, несмотря на то, что среди центральных идей фантастических сериалов «была утопическая вера их создателей в возможность построения будущего справедливого мира без войн, насилия и военных конфликтов» [Кирчанов, 2021a: 80], авторы и «Звёздного пути», и «Вавилона 5» активно визуализируют дискурс насилия. В этом контексте американские научно-фантастические сериалы «обнаруживает сходство с реальными геополитическими взаимодействиями между странами по всему миру, особенно в случае часто насильственных оккупаций территорий по всему миру» [Gunderman, 2017].

Научно-фантастические сериалы могут восприниматься как попытки визуализации «аффекта Другого» [Rhodes, 2017], так как современные общества склонны проецировать свои проблемы в пространства массовой культуры, воспринимая её как механизм для актуализации как собственных фобий, так и форм из разрешения. Вероятно, именно в силу такой политической и идеологической направленности проекта Джоэл Р. Кэмпбелл полагает, что эта «телевизионная франшиза является идеальным инструментом для иллюстрации концеп-

ций международных отношений»⁹. Если ранние части франшизы «Звёздный путь» только предвосхищали, то её более поздние части, а также сериал «Вавилон 5», активно продвигали идею, сформулированную в начале 2020-х гг. Р. Саквой, который полагает, что западное видение мировой политики в значительной степени основано на вере в то, что «либеральный интернационализм и внутреннее социальное устройство, с которым он связан, неизбежно распространятся по всему миру — естественным образом или насильственными методами» [Саква, 2021: 87].

Конструирование подобных образов, которые фактически легитимировали вмешательство, невозможно без актуализации различных форм памяти западных обществ. Мемориальные культуры последних нередко могут редуцироваться до совокупности визуальных перформативных актов, что превращает массовую культуру в актёра, который одновременно активизирует коллективную память путём «проработки прошлого», порождая при этом новые формы коммеморативности. Поэтому попытки массовой культуры в лице сериалов актуализировать политические проблемы, равно как и другие её интервенции в социальные пространства, «не нарративны, а перформативны» [Тульчинский, 2019: 29]. В этом контексте рассматриваемые в статье научно-фантастические сериалы играют одну из ведущих ролей в формировании и функционировании того, что финский историк культур Карин Кукконен определяет как «популярную культурную память», то есть «совокупность условностей и образов, которые постоянно реконструируются в современной массовой культуре» [Kukkonen, 2008: 264], воспроизводя преимущественно не формально культурные, но фактические политические и идеологические моменты существования общества.

Подобные социальные проблемы, например, визуализированы в седьмом эпизоде «Молитва войны»¹⁰ первого сезо-

⁹ Ibid.

¹⁰ The War Prayer. Directed by Richard Compton. Written by D.C. Fontana. Original air date: March 9, 1994.

на сериала «Вавилон 5». Проект Майкла Стражински «Вавилон 5» актуализирует не только роль исторической памяти как стимула для конфликта. Эта функция сериалов представляется особенно важной, если мы будем помнить о том, что «одна из проблем, которую мы постоянно наблюдаем в мемориальном пространстве, это — перманентное исключение определённых нарративов» [Rhodes, 2017: 36] о прошлом, которые не интегрируются в официальный мемориальный канон. Именно поэтому исследователями неоднократно подчёркивались аллюзии содержания подобных сериалов с современными политическими проблемами, что позволяло анализировать их контент через призму мировой политики [Dittmer, 2010], теории международных отношений [Heraclides, Dialla, 2015] или геополитики [Dittmer, Dodds, 2008].

Сходную позицию занимает американский политолог Джоэл Р. Кэмпбелл. Он полагает, что многие эпизоды рассматриваемых научно-фантастических франшиз представляли собой «тонкие социально-политические комментарии по важным вопросам 1960-х гг., включая расизм, сексизм, разрыв между поколениями, ядерную войну и гонку вооружений»¹¹. В этом контексте научно-фантастические сериалы становятся пространствами формирования как политической идентичности, так и коллективной памяти, которые они социально конструируют в форме «вклада в формирование культурного и национального самосознания» [Grainge, 2018: 3].

Американские сериалы визуализируют для общества потребления его «понимание прошлого», которое редуцировано до «простого потребления событий, интерпретируемых и фиксируемых теми, кто обладает для этого властью и средствами. Таким образом, наше прошлое одновременно

реально и воображаемо» [Rhodes, 2017: 30]. В этом контексте массовая культура предлагает не коллективную, национальную или историческую память, но качественно и содержательно новое прочтение мемориального опыта, которое более корректно определять как «постпамять» [Pence, 2018]. Изучение соответствующей литературы показывает: многие современные исследователи воспринимают «Звёздный путь» как политический проект, который продвигал «принципы всеобщей свободы, противодействуя коллективизму, невежеству и пассивности»¹². С другой стороны, «Звёздный путь» может интерпретироваться фактически аналогичным способом, но модусы его восприятия могут варьироваться между «идеалистическим взглядом на либерализм и резким неприятием любого вида авторитаризма времен холодной войны» и «более нигилистическим и реалистическим взглядом на политику»¹³. Сериал «Вавилон 5» оперирует в значительной степени сходными категориями, в том числе — травмированными коллективными памятьми, активно использующими ресурсы воображения и конструирования образов Другого.

Параллельно насилие — военное, политическое, этническое — в сериалах франшизы «Звёздный путь» универсализировано и в той или иной степени визуализируется в значительной части эпизодов сериала. Анализируя политические компоненты американских научно-фантастических сериалов, во внимание следует принимать и то, что они формально могли «осуждать узкоместьнические интересы национализма, жадности, ксенофобии и страха», но фактически их «нарративный подтекст поддерживал идею расширения западной гегемонистской власти» [Davidson, 2017: 8]. В самом деле, большин-

¹¹ Campbell J.R. Star Trek and Battlestar Galactica: understanding politics and International Relations // Think. — 2017. — 14 Sep. — URL: <https://think.iafor.org/star-trek-battlestar-galactica-understanding-politics-and-international-relations/>

¹² Sandefur T. The Politics of Star Trek. From the New Frontier to the final frontier // Claremont Review of Books. — 2015. — Summer. — URL: <https://claremontreviewofbooks.com/the-politics-of-star-trek/>

¹³ Felici Fr. Star Trek: Journey into the Fictional Representation of Politics // The New Global Order. — 2020. — 20 Oct. — URL: <https://thenewglobalorder.com/world-news/cinema-society/star-trek-journey-into-the-fictional-representation-of-politics/>

ство эпизодов анализируемых сериалов основаны на легитимации интервенционизма со стороны будущей утопической Земли во внутренние дела менее развитых обществ, чем фактически оправдывается «принудительное и насильственное вмешательство стороннего актора или акторов в сферу юрисдикции суверенного государства, которое преследует цели, признанные международным сообществом легитимными» [Almeida, 2002]. В то время как классический сериал «Звёздный путь» предпочитал «выстраивать межзвёздную систему по образцу холодной войны»¹⁴, избегая актуализации открытого вмешательства и военного конфликта, то более поздние продолжения франшизы активно использовали потенциал интервенционизма.

Именно на эту особенность указывает и один из ведущих теоретиков международных отношений Барри Бузан, подчёркивая, что научно-фантастические сериалы актуализируют образы не только «оптимистичной и уходящей Америки 1960-х гг.», но и «более мрачную и более параноидальную Америку после 11 сентября» [Buzan, 2010: 176]. Возникает предположение, что если в пространствах современной культуры «нарративы символизируют действительность, наполняя её смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации прошлого и настоящего, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования идентичности социума и его членов» [Тульчинский, 2017: 111], то сериалы визуализируют ранее подвергнутые нарративизации пространства.

В этой ситуации уместно заключить, что в современном фантастическом кинематографе как сегменте массовой культуры и культурной памяти одновременно сочетаются «три измерения культуры: социальное, связанное с аудиторией как носителями массовой культуры, материальное измерение медиатекстов и ментальное

измерение кодов и условностей, облегчающих процесс восприятия» [Kukkonen, 2008: 262]. Все эти три измерения функционирования массовой культуры актуализируют её универсалии, среди которых насилие занимает не последнее место. При этом насилие в фантастических сериалах, например, в эпизоде «Слишком короткий сезон» оригинального сериала «Звёздный путь» отягощено не только скрытой интервенцией и участием землян в конфликте, что делает их ответственной стороной, но и конфронтацией различных версий коллективной памяти. И обитатели Мордон-4, и земляне склонны перекладывать ответственность друг на друга, так как для Звёздного флота осознание собственной ответственности за продолжение многолетней войны неприемлемо, а для обитателей Мордон-4 в силу особенностей их политической культуры необходим коллективный Другой, ответственный за военный конфликт.

По мнению американского социолога и культуролога Барни Уорфа, подобные сюжеты в сериалах как сегменте массовой культуры актуализируют «важные последствия для социального и пространственного анализа» [Warf, 2002], позволяя через призму воображённых миров и обществ приблизиться к содержательно иным интерпретациям реальных проблем, с которыми сталкиваются современные политические институты. В 4 эпизоде «Внезапная человечность»¹⁵ 4 сезона сериала «Звёздный путь: следующее поколение» одновременно обсуждаются не только проблемы вынужденного взаимодействия двух культур, но и вопросы идентичности и коллективной памяти. Герой эпизода, молодой человек, ассимилирован таларианцами, но вновь оказывается среди людей, оказываясь лицом к лицу с проблемами прошлого, отягощённого взаимным насилием, и погружаясь в поток коллективной памяти, сконцентрированной на теме военного конфликта между землянами и таларианцами.

¹⁴ Gupta A. Star Trek and International Relations // E-International Relations. — 2013. — 2 Jun. — URL: <https://www.e-ir.info/2013/06/02/star-trek-and-international-relations/>

¹⁵ Suddenly Human. Directed by Gabrielle Beaumont. Story by Ralph Phillips. Teleplay by John Whelpley, Jeri Taylor. Original air date: October 15, 1990.

Американский историк Марк Родс, комментируя такие сюжеты франшизы «Звёздный путь», подчёркивает, что её создатели фактически актуализировали «вызов идентичности сообщества, которое временами насильственно внедряет идеи посткапиталистического или пострасового общества в традиционно консервативные социумы» [Rhodes, 2017: 30]. Кроме этого, для большинства подобных эпизодов сериалов характерны конкретные аллюзии с политическими реалиями западной политики. Поэтому массовая культура сериалов внесла свой вклад в универсализацию и легитимацию международных интервенций, так как внедряла в сознание общества понимание того, что вмешательство относится к числу «законных инструментов внешней политики»¹⁶.

Именно в этом контексте эпизод «Внезапная человечность» актуализирует конструктивистский, воображаемый и избретаемый, характер как идентичности, так и коллективной памяти: герой серии, человек Джано, делает выбор в пользу не земной, а таларианской идентичности и исторической памяти, которые воспринимаются им как его собственные.

23 эпизод «Отдалённое происхождение»¹⁷ 3 сезона сериала «Звёздный путь: Вояджер», наоборот, актуализирует альтернативную модель развития идентичности и коллективной памяти, основанную на её восприятии в примордиальной системе координат. Поэтому два героя эпизода, принадлежащие к расе вавов, оказываются маргинализированными собственным обществом, так как пытаются подвергнуть ревизии историческую память, основанную на мифе, а не научном и критическом восприятии прошлого.

В этом контексте эпизод актуализировал различные модели исторического воображения, ставшие заметными в результате вынужденного контакта двух культур, идентичности которых имеют ди-

аметрально отличные друг от друга основания, представленные рационализмом и религиозным фундаментализмом. Подобные сюжетные линии в американских научно-фантастических сериалах, вероятно, следует воспринимать в категориях ассимиляции «высокой» культурой со стороны массовой культуры. Именно эта ассимиляция позволяет современным сериалам как медиатекстам «ссылаться на условности и коды, установленные через другие тексты», игнорируя и забывая при этом «о реальных контекстах и специфике своих исходных текстов, так как они обращаются к жанру, традиции или способу дискурса как к уже прочитанному и воспринимаемому в категориях дежа-вю... поэтому контекстное знание работает здесь через неточную интертекстуальность» [Kukkonen, 2008: 262]. Возможно, именно поэтому современные фантастические сериалы оказываются достаточно легко прочитываемыми со стороны массового потребителя, который пользуется не только развлекательными ресурсами общества потребления, но и воспринимает его информационный контекст. В этом контексте новостные программы и сериалы могут восприниматься в качестве тесно связанного контента, так как фактически ассимилируют «политическое», делая это, правда, различными способами. Среди ассимилированного сериалами содержания политической культуры в такой ситуации особое место принадлежит восприятию прошлого, что, собственно, и превращает дискурс массовой культуры в ещё одно из пространств бытования и функционирования коллективной памяти.

Последствия встречи миров: память как «проработка прошлого»

Мотивы встречи цивилизаций как контакта и/или столкновения в современной американской «культуре сериалов», нередко приводили представителей вообража-

¹⁶ Duffield M. Human (In)security, Liberal Interventionism and Fortified Aid Compounds // Theory Talk. — 2011. — 21 Jul. — URL: <http://www.theory-talks.org/2011/07/theory-talk-41.html>

¹⁷ Distant Origin. Directed by David Livingston. Written by Brannon Braga, Joe Menosky. Original air date: April 30, 1997.

емых обществ к вынужденной «проработке прошлого», так как (вынужденное или добровольное) соприкосновение различных обществ заставляло интеллектуалов конструировать новые образы истории, формируя новые мемориальные каноны. Эти версии конструируемой исторической памяти могли актуализировать различные стратегии воображения прошлого, диапазон интерпретаций которого варьируется от коллективной травмы (память о насилии и терроре, исторические образы гонений и т.д.) до славной истории, представленной преимущественно в версиях прошлого, тиражируемых националистическими интеллектуалами. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что американские научно-фантастические сериалы стали стимулом для роста интереса к прошлому в рамках публичной истории [Britton, 1997], когда академическая историография была вынуждена пойти на уступки массовому зрителю, адаптировав свои нарративы под запросы общества потребления.

В начале 2020-х гг. В. Тодд Гроус, доктор философии и Президент Исторического общества Джорджии, подчёркивал, что менее 20 % американских «учащихся средних школ хорошо знают историю. Дополнительные исследования показывают, что это вопиющее отсутствие исторических знаний характерно не только для молодежи, но и для взрослых»¹⁸. Такая ситуация свидетельствует о разрыве в обществе потребления социальной коммуникации между «высоким» и «низким» культурным дискурсом. Поэтому, «на современном этапе память, национальная и историческая, меняет традиционные аналоговые или «ламповые» пространства своей локализации, постепенно становясь компонентом современной массовой культуры. Точнее, массовая культура стала влиятельна в такой степени, что начинает интерпретиро-

вать прошлое, конкурируя в этом сомнительном занятии с профессиональными историками» [Кирчанов, 2021b: 56].

Формированием коллективной памяти начинают заниматься не традиционные институты типа академических сообществ, а массовая культура. Версии восприятия истории как конструкта, сформированного не текстами, но визуальными проявлениями массовой культуры, характерны для большинства обществ современного мира. Ещё не так давно национальное государство как продукт эпохи модерна, «считалось платформой коллективной памяти, так как именно оно определило границы, в пределах которых найдется сообщество тех, кто разделяет общую коллективную память» [Kukkonen, 2008: 265]. В новой ситуации функции по формированию памяти перешли к акторам массовой культуры, которые создают мемориальные каноны и мнемонические практики не менее эффективно, чем государство при помощи политических институтов и профессиональной бюрократии. Тем самым массовая культура, используя ресурсы истории как памяти, ассимилировала реальный опыт исторического воображения, политики памяти и идеологически мотивированных манипуляций с прошлым, что позволяет в подобных сюжетах находить аллюзии с реальным опытом обществ Запада, в которых история, редуцированная до компромиссного мемориального канона, стала важным мобилизационным ресурсом.

Аэли Аронофф, американский исследователь массовой культуры, полагает, что сериалы склонны ассимилировать академические представления о памяти, редуцируя её до «одной великой катастрофы, которая постоянно повторяется»¹⁹. Интересно, что создателей оригинального сериала «Звёздный путь» середины 1960-х гг. привлекала проблема памяти именно как коллективной травмы, которая вынужда-

¹⁸ Todd Groce W. When History and Memory Collide // Georgia Historical Society. — URL: <https://georgiahistory.com/about-ghs/office-of-the-president/perspectives-the-presidents-column/when-history-and-memory-collide/>

¹⁹ Aronoff A. Star Trek and Historical Memory // Humanities, Social Sciences, and the Arts College Blog. — 2018. — 4 Dec. — URL: <https://www.hmc.edu/hsa/2018/12/04/star-trek-and-historical-memory/>

ла вытеснять неприятные и болезненные эпизоды истории, декларируя её смерть и утверждая, что «прошлое забыто»²⁰.

Ряд эпизодов сериала поднимал вопросы формирования мемориального канона, проработки прошлого в целях консолидации общества. Например, 13 эпизод первого сезона оригинального сериала «Совесть короля» актуализировал проблемы ответственности за политически мотивированное насилие спустя 20 лет после гражданского конфликта на планете Тарсус IV. Герои серии вынуждены корректировать собственную коллективную память, пытаться с точки зрения собственной идентичности, основанной на гуманности, признании культурного многообразия, прав и свобод, соотносить её со словами бывшего военного диктатора, утверждавшего, что «революция состоялась, но выживание требует суровых мер. Ваше существование представляет угрозу для блага общества, ваша жизнь означает медленную смерть для более ценных членов колонии. Поэтому я вынужден приговорить вас к смерти»²¹. Действительно, насилие в мире оригинального сериала «Звёздного пути» стало той универсалией, которую герои экипажа «Энтерпрайза» воспринимают как маргинальное явление, но постоянно сталкиваются с ним в менее развитых обществах. При этом они периодически вынуждены сталкиваться с такими моделями социальной организации, которые, наоборот, воспринимают память о политически мотивированном и идеологически легитимизированном насилии как основу идентичности. Американский историк Джеймс Гроссман также полагает, что ака-

демические исследования памяти нередко актуализируют опыт «трагедии и бесчеловечности»²². В этой ситуации неизбежно и естественно и то, что конструируемые формы коллективной памяти для воображаемых миров и социальных пространств американских сериалов, не менее активно используют похожие образы. Современное кино «как технология, способная отображать и воплощать темпоральность прошлого, стало центральным элементом передачи памяти в современной культурной жизни» [Grainge, 2003].

Сериалы активно используют этот символический ресурс, активно конструируя альтернативные социальные модели развития обществ, хотя визуализированные особенности и тенденции их существования воспроизводят реалии и особенности западного исторического опыта. Например, 21 эпизод 2 сезона «Оригинального сериала» визуализируют альтернативный земному тип общества, в основу которого положена память о диктатуре НСДАП в Германии, так как земной учёный, прибывший для изучения, решил вмешаться в ход местного развития, выбрав в качестве образца Германию 1933–1945 гг., признав тем самым, что «взял за образец земную историю»²³, так как фашизм создал «самое эффективное государство на земле»²⁴. Утверждения одного из персонажей, зачитывающего «объявление из штаб-квартиры фюрера» и приказавшего «очистить нашу столицу от зionцев. Наши героические войска начали зачистку от зionских чудовищ, отравляющих нашу планету»²⁵, представляет собой явную аллюзию на события европейской истории 1930-х гг.

²⁰ The Conscience of the King. Directed by Gerd Oswald. Written by Barry Trivers. Original air date: December 8, 1966. 36:42 – 36:44.

²¹ The Conscience of the King. Directed by Gerd Oswald. Written by Barry Trivers. Original air date: December 8, 1966. 33:49 – 34:09.

²² Grossman J. Tragedy, memory, history // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. — 2012. — 1 Oct. — URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2012/tragedy-memory-history>

²³ Patterns of Force. Directed by Vincent McEveety. Written by John Meredyth Lucas. Original air date: February 16, 1968. 40:15 – 40:18.

²⁴ Ibid. 40:26 – 40:28.

²⁵ Ibid. 5:59 – 6:09.

Если условно «высокая культура» в США к концу 1960-х гг. выработала опыт рефлексии о трагедии Холокоста, то массовая культура в это время только начала делать первые шаги в этом направлении. Уместно предположить, что «Оригинальный сериал» стал одной из попыток локализовать память о Холокосте как травму, что позднее позволило сформировать «широкий спектр ответов на мучительное прошлое»²⁶, которое объективно для среднестатистического американского зрителя — потребителя научной фантастики было не только далеким и непонятным, но объективно чужим.

Современный грузинский культуролог Гиги Тевзадзе, комментируя особенности актуальной культурной ситуации, полагает: «на смену эпохе Гутенберга пришла эпоха Цукерберга. Но многие вещи, в том числе принципы организации нашего окружения, по-прежнему остаются гутенберговскими»²⁷. По мнению другого современного грузинского культуролога Мариама Гвинджилии, крайне проблематично воспринимать масскульт как «не имеющей ничего общего»²⁸ с более ранними культурными практиками, в том числе «высокой» культурой.

В этом контексте массовая культура, представленная научно-фантастическими сериалами, не утрачивает полностью связи с классическим наследием, интегрируя его в свои собственные культурные модели. Именно поэтому анализируемые сериалы можно считать формами ассимиляции в том числе памяти о Холокосте как резонансной памяти-травмы²⁹. Можно предположить, что выбор формально фантастического жанра для актуализации трагедии

Холокоста и несколько упрощённого рассказа о ней, пригодном для массового потребителя, не был случайным: в 1960-е гг. американское общество, по своей видимости, ещё не было готово воспринимать эту проблематику, представленную в других, формально «серьёзных», жанрах. Локализация трагедии европейского еврейства в фантастическом кинематографе именно через ассимиляцию памяти-травмы позднее позволила ознакомить американцев с этой проблемой в иных формах.

23 эпизод «Окончательная победа»³⁰ 2 сезона «Оригинального сериала» также актуализирует феномен коллективной исторической амнезии, в рамках которой забывание прошлого, размывание представлений о происхождении актуализирует новые формы исторической памяти, которая апеллирует не к консолидации, но сознательному разделению и фрагментации социума на «своих» и «чужих». В рамках эпизода конкурируют два общества — комы и янги, которые разделены не только расово (первые — монголоиды, вторые — европеоиды), но и исторически (одни являются потомками китайцев, то другие — американцев). Специфика социальной и культурной ситуации, смоделированной в 23 эпизоде 2 сезона, состоит в поражении потомков американцев, которые оказались на положении жертв авторитарного китайского общества: потомки американцев в такой социальной и культурной ситуации сохраняют только рудиментарные проявления политической и исторической памяти, цитируя конституцию, но воспринимая её не более как религиозный текст.

Религиозное, буквалистское и некритическое восприятия прошлого, редуци-

²⁶ Stites R. The Pawnbroker: Holocaust, Memory, and Film // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. — 2008. — 1 Jan. — URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2008/the-pawnbroker-holocaust-memory-and-film>

²⁷ Tevzadze G. Gut'enbergidan – tsuk'erbergamde: nap'rali or samq'aros shoris // Semiotics. — 2021. — 27 May. — URL: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/05/27/>

²⁸ Ghvinjilia M. K'lasik'uri t'ekst'is p'ersonazhis p'ost'modernist'uli rek'onst'ruksia // Semiotics. — 2021. — 21 Oct. — URL: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/10/25/>

²⁹ Toplin R.B. Masters at the movies, take 2 // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. — 2008. — 1 Jan. — URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2008/masters-at-the-movies-take-2>

³⁰ The Omega Glory. Directed by Vincent McEveety. Written by Gene Roddenberry. Original air date: March 1, 1968.

рованного в коллективной идентичности до политической и идеологической доктрины, представлено и в 23 эпизоде «Живой свидетель»³¹ четвёртого сезона сериала «Звёздный путь: Вояджер». В отличие от большинства других серий сериалов, формирующих франшизу «Звёздного пути», этот эпизод актуализирует не контакт обществ, но только политически мотивированную версию памяти о нём. «Живой свидетель» интересен как попытка визуализации вероятных изменений исторической памяти, когда реальные события подменяются их идеологизированными интерпретациями. Поэтому в коллективной памяти двух обществ — вассалов и кирианцев — одни и те же события подвергаются диаметрально противоположным и взаимоисключающим интерпретациям.

Вместе с тем, эпизод актуализирует вариант политики памяти, основанной на различных стратегиях «проработки прошлого». Если одна модель памяти базируется на последовательной не только политической, но и мемориальной сегрегации, основанной на радикальном разделении прошлого между двумя социумами, то другая, наоборот, предусматривает возможность исторической ревизии, ведущей к преодолению фрагментации и формированию компромиссного канона исторической памяти, что ведёт к преодолению травмы прошлого, отягощённого взаимным насилием и дискриминацией.

В современной исторической науке ревизионизму принадлежит особая роль. Джеймс МакФерсон, Президент Американской исторической ассоциации, в 2003 г., подчёркивал, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Ин-

терпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой»³². Американская массовая культура, включая фантастические сериалы, более активно и наступательно использует ресурсы ревизионизма как механизма пересмотра и переосмысления истории, что отличает её как от академической историографии, так и политики памяти, которые в попытках ревизии прошлого сталкиваются с большим числом препятствий, чем создатели продукта, относящегося к пространству масскульта.

В то время как сериалы франшизы «Звёздный путь» актуализировали конкурирующие памяти различных рас, «Вавилон 5» визуализировал проблемы фрагментации памяти землян. Например, восьмой эпизод «И небо, полное звёзд»³³ первого сезона сериала показывает универсальность насилия как формы «проработки прошлого», отягощённого мифологизацией истории и духом милитаризма. Первый эпизод «Отправные пункты»³⁴ второго сезона «Вавилона 5» универсализируют гетерогенность коллективной памяти, перенося её и на неземные общества, в частности — Минбар, где милитаризм, с одной стороны, и идентичность, отягощённая травматическим опытом неудачной войны, визуализируют невозможность достижения мемориального канона, который удовлетворял бы политические запросы всего социума в целом.

³¹ Living Witness. Story by Brannon Braga. Teleplay by Bryan Fuller, Brannon Braga, Joe Menosky. Original air date: April 29, 1998.

³² McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. – 2003. – 1 Sep. – URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians>

³³ And the Sky Full of Stars. Directed by Janet Greek. Written by J. Michael Straczynski. Original air date: March 16, 1994.

³⁴ Points of Departure. Directed by Janet Greek. Written by J. Michael Straczynski. Original air date: November 2, 1994.

В этом контексте воображаемые инопланетные общества «Оригинального сериала» актуализировали топос Инаковости. «Звёздный путь: следующее поколение» использовал этот ресурс конструирования Другого не менее активно. В частности, в 8 эпизоде «Связанные» 7 сезона земной офицер Вильям Райкер описывает Кеспред, одно из внеземных обществ, как «неблагополучный мир, где социальные, политические и военные проблемы не решены. Кесы, несмотря на дружелюбие и демократичность, страдают от мнительности, предрассудков и паранойи»³⁵. Такие качества коллективной памяти как культурная амнезия и изобретение Инаковости актуализируются в седьмом эпизоде «Секреты души»³⁶ пятого сезона сериала «Вавилон 5». Создатели сериала поставили вопрос не только об универсальности насилия, мотивированного расизмом, но и об эластичности исторической памяти, способности общества использовать социальную амнезию для забывания и вытеснения из мемориальной культуры тех моментов истории, которые могут дискредитировать элиты, указав на их участие в политике геноцида и уничтожения целой расы.

В рамках 17 эпизода «Согласие»³⁷ 4 сезона «Звёздного пути: Глубокий космос 9» актуализируется проблема стабильности исторической памяти. В центре эпизода — Акорем Лаан, баджорский поэт, который более 200 лет отсутствовал на родной планете, но не был забыт благодаря своим текстам. В центре сюжета этой части франшизы — попытки интеграции общества планеты Баджор, которая освободилась от оккупации со стороны Кардассии. Эпизод, таким образом, затрагивает тему важности коллективной исторической памяти, её центральной роли в сохранении идентич-

ности Баджора, несмотря на десятилетия кардассианской оккупации.

Ярким примером визуализации травмированной памяти является 19 серия «Дуэт»³⁸ 1 сезона сериала «Звёздный путь: Глубокий космос 9», в центре которого оказывается судьба кардассианца, обвиняемого в военных преступлениях. Эпизод актуализирует особенности функционирования коллективной исторической памяти. Герой серии — кардассианец Аамин Маррица, который намеренно выдаёт себя за высокопоставленного военного Гул Дархе'эла, ответственного за массовые убийства. Проблема в том, что Маррица делает это сознательно, чтобы понести наказание за преступления своего соотечественника, так как его страна не признаёт геноцид баджорского населения. Интересно, что по мнению историков современной массовой культуры (в частности, А. Ароноффа) «Звёздный путь: Глубокий космос 9» стал также является попыткой визуализировать травмы Холокоста в американской исторической памяти, актуализировав «упущенную возможность показать американцам, насколько на самом деле ужасным был Холокост»³⁹.

Воображённое баджорское общество представляет собой пример фрагментированного социума, где линии разделения носят не только политический, идеологический и религиозный, но и мемориальный характер. Единственное, что консолидирует баджорцев и кардассиан — это полученная ими коллективная травма. Память Баджора травмирована десятилетиями кардассианской оккупации, а мемориальная культура Кардассии проявляется в комплексе поражения, отягощённого отсутствием принятия и осознания собственной вины. Аналогичные проблемы визуализированы в девятом эпизоде «Несущая смерть»⁴⁰ первого сезона сериала «Вави-

³⁵ Attached. Directed by Jonathan Frakes. Written by Nick Sagan. Original air date: November 8, 1993. 35:38 – 35:57.

³⁶ Secrets of the Soul. Directed by Tony Dow. Written by J. Michael Straczynski. Original air date: March 4, 1998.

³⁷ Accession. Directed by Les Landau. Written by Jane Espenson. Original air date February 26, 1996.

³⁸ Duet. Directed by James L. Conway. Story by Lisa Rich, Jeanne Carrigan-Fauci. Teleplay by Peter Allan Fields. Original air date: June 14, 1993.

³⁹ Aronoff A. Star Trek and Historical Memory // Humanities, Social Sciences, and the Arts College Blog. — 2018. — December 4. — URL: <https://www.hmc.edu/hsa/2018/12/04/star-trek-and-historical-memory/>

⁴⁰ Deathwalker. Directed by Bruce Seth Green. Written by Larry DiTillio. Original air date: April 20, 1994.

лон 5», где военный преступник не только скрывается от правосудия, но и почти избегает наказания, так как политические элиты не только заинтересованы в получении необходимой им научной информации, но и стремятся маргинализировать память как травму, стимулируя коллективную социальную амнезию, вытесняя из идентичности воспоминания о военных преступлениях, так как те проблематично интегрировать в официальный идеологический канон.

Выводы

Превращение некоторых проявлений массовой культуры, включая научно-фантастические сериалы, в политические инструменты актуализирует их роль в сохранении идентичности и памяти, а также в индоктринизации общества. Эти функции проявляются в визуализации значительного числа политических проблем, включая универсальность идеологически мотивированного насилия, темы вмешательства/невмешательства одних цивилизаций во внутренние дела других групп и сообществ. Подобная метаморфоза была бы маловероятной, если бы ей не предшествовала актуализация этой проблематики в научно-фантастической литературе (Э. Нортон, Кр. Шташефф, А. и Б. Стругацкие), которая давала возможность языком массовой культуры говорить о политически и идеологически значимых проблемах. Разумеется, число потребителей таких культурных сигналов трудно поддаётся учёту, а политические эффекты могли носить в большей степени отложенный характер.

Сериализация кинопроизводства увеличила число потенциальных потребителей политических посланий, ассимилированных массовой культурой. В этой ситуации сериалы в современной мемориальной культуре могут играть не менее важную роль, чем академические исследования коллективных памяти и манипуляций с ними, производимых по инициативе политических элит. Сериалы-франшизы, включая «Звёздный путь» и «Вавилон 5», стали новейшими формами существования дискурсивно-нарративных практик

воображения, изобретения и конструирования прошлого. Содержательно эти формы памяти отличаются от её более ранних моделей (ограниченных академическим дискурсом или «классической» литературной традицией), только большим применением ресурсов визуальности. Вместе с тем, они могут выполнять аналогичные или сопоставимые политические роли и идеологические задачи.

Параллельно научно-фантастические сериалы претендуют на сближение с гуманитарными и общественными формами научного знания, ассимилируя и впоследствии транслируя достижения последнего. Некоторые их эпизоды можно воспринимать как попытку упрощённой реинтерпретации, пересказа академических теорий исторической памяти, культурных и национальных идентичностей, социального развития или международных отношений. Так, «Звёздный путь» можно интерпретировать как набор конкретных кейсов, которые иллюстрируют различные модели развития и существования социальных институтов, политических процессов, модернизаций и конфликтов. «Вавилон 5» в этом отношении претендует на большую универсальность, став своеобразным «учебником» теории международных отношений и мировой политики, «пересказав» концепции политического реализма, неомарксизма и мир-системного анализа и т.д. при помощи формально фантастического и развлекательного визуального ряда. В центре большинства сюжетов, ассимилированных массовой культурой, лежат проблемы коллективной памяти, исторической травмы, проработки прошлого, примирения сообществ путём переосмысления прошлого с применением исторического ревизионизма. Подобная ассимиляция как попытка объяснения академического дискурса визуальным языком сериальной культуры превращает сериалы в способ социального конструирования сообществ и изобретения традиций, а также индоктринизации общества, легитимации в нём решений элит.

Успешное развитие франшизы «Звёздный путь» на протяжении нескольких десятилетий, её перезапуск в 2022 г., неодно-

кратные публикации СМИ о возможном перезапуске «Вавилона 5», как и превращение этих сериалов в предмет междисциплинарных исследований, свидетельствуют не только о том, что массовая культура стала формой исторической памяти, но и о том, что именно в таком качестве она скорее всего будет функционировать и в ближайшем будущем, что актуализируют как важность, так и необходимость последующих исследований того, как культура сериала стала версией политической культуры, основанной на упрощении и визуализации академических представлений о прошлом — как истории политического травматического опыта насилия и идеологической конфронтации, а также их преодоления через культивирование коллективной памяти, редуцируемой до мемориального канона, визуализированного и адаптированного под современный язык сериала.

Массовая культура научно-фантастических сериалов активно и оперативно реагирует на изменения политических предпочтений и идеологических ориентиров общества. Сериалы реализуют не только изначально присущие им развлекательные функции, но и исторически не характерные, но приобретённые вследствие их развития задачи. Сериалы общества потребления становятся сферой актуализации «коллективных памяти», ассимилируя и упрощая их, меняя модусы и дискурсы функционирования мемориальных культур и пространств, превращая последние в более доступные для массового потребителя, который чужд академических штудий мнемонических канонов и практик, в то время как сериал преподносит память в уже подготовленной для восприятия форме.

Список литературы:

- Кирчанов М.В. Когда нации вспоминают: что, где и как. Заметки культурного антрополога на полях книги Джеймса Верча "How Nations Remember: A Narrative Approach" // Историческая экспертиза. — 2021b. — № 3. — С. 54–67.
- Кирчанов М.В. Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре // Гуманитарный вектор. — 2021a. — Т. 16, № 5. — С. 77–86. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86>
- Саква Р. Западная культурная революция и мировая политика // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19, № 5. — С. 86–90. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-86-90>
- Тульчинский Г.Л. Историческое сознание и экранная культура // Наука телевидения. — 2017. — Т. 13, № 1. — С. 110–127.
- Тульчинский Г.Л. Экран и фактор скорости: от нарративов к перформативам // Наука телевидения. — 2019. — Т. 15, № 2. — С. 29–40. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2019-15.2-29-40>
- Abbott S. The Cult TV Book: From Star Trek to Dexter, New Approaches to TV Outside the Box. — New York: Soft Skull Press, 2010. — XIV, 273 p.
- Almeida J.M. de. International Political Theory and the Issue of Legitimate Intervention // Nação e defesa. — 2002. — № 2. — P. 155–170.
- Assmann A. From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past // Conflict, memory transfers and the reshaping of Europe. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2010. — P. 8–23.
- Barber J. Star Trek and the anthropological machine: Eliding difference to stay human // Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 40–50.
- Britton D.F. Public History and Public Memory // The Public Historian. — 1997. — Vol. 19, № 3. — P. 11–23. <https://doi.org/10.2307/3379553>
- Buzan B. America in Space: The International Relations of Star Trek and Battlestar Galactica // Millennium: Journal of International Studies. — 2010. — Vol. 39, № 1. — P. 175–180. <https://doi.org/10.1177/0305829810371016>

- Chavkin D., McGuire B. *Star Trek: Designing the Final Frontier: How Midcentury Modernism Shaped Our View of the Future*. — San Rafael: Weldon Owen, 2021. — 168 p.
- Cogan B. *Deconstructing South Park: Critical Examinations of Animated Transgression*. — Lanham: Lexington Books Rowman & Littlefield Publishers, Incorporated, 2011. — 256 p.
- Davidson F.M. *Owning the future: Manifest destiny and the vision of American hegemony in Star Trek // Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 8–18.
- Delasara J. *PopLit, PopCult, and the X-Files: Critical Exploration*. — Jefferson: McFarland, 2000. — V, 247 p.
- Disch T.M. *The Dreams Our Stuff Is Made Of: How Science Fiction Conquered the World*. — New York: Touchstone, 2000. — 272 p.
- Dittmer J. *Popular Culture, Geopolitics and Identity*. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. — XXI, 181 p.
- Dittmer J., Dodds K. *Popular Geopolitics Past and Future: Fandom, Identities and Audiences // Geopolitics*. — 2008. — Vol. 13, № 3. — P. 437–457. <https://doi.org/10.1080/14650040802203687>
- Dyson S.B. *Otherworldly Politics : the International Relations of Star Trek, Game of Thrones, and Battlestar Galactica*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. — X, 163 p.
- Fewster D. *Visions of past glory : nationalism and the construction of early Finnish history*. — Helsinki: Finnish Literature Society, 2006. — 555 p.
- Geraghty L. *Living with Star Trek: American culture and the Star Trek universe*. — London; New York: Tauris, 2007. — VIII, 232 p.
- Gonzalez G.A. *Popular Culture, Conspiracy Theory, and the Star Trek Text*. — Lanham: Lexington Books, 2020. — VII, 107 p.
- Gonzalez G.A. *Star Trek and the Politics of Globalism*. — Cham: Springer International Publishing, 2018. — XIII, 148 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-95411-0>
- Gonzalez G.A. *The Politics of Star Trek: Justice, War, and the Future*. — New York: Palgrave Macmillan US, 2015. — IX, 219 p. <https://doi.org/10.1057/9781137546326>
- Grainge P. *Memory and popular film*. — Manchester: Manchester University Press, 2018. — 272 p. <https://doi.org/10.7765/9781526137531>
- Gunderman H.C. *Blurring the protagonist/antagonist binary through a geopolitics of peace: Star Trek's Cardassians, antagonists of the alpha quadrant // Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 51–62.
- Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. — Paris: Félix Alcan, 1925. — XII, 404 p.
- Hall R.A. *Robots in Popular Culture: Androids and Cyborgs in the American Imagination*. — Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC, 2021. P. — XXX, 325 p.
- Hanovs D., Tēraudkalns V. *Laiks, telpa, vadonis: autoritarisma kultura Latvija, 1934-1940*. — Riga: Zinatne Publ., 2012. — 326 p.
- Heraclides A., Dialla A. *Intervention and non-intervention in international political theory // Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. — Manchester: Manchester University Press, 2015. — P. 81–98. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1mf71b8.9>
- Kück R. *Star Trek: Politics: The Political culture of a Sci-Fi Series*. — Independently published, 2020. — 205 p.
- Kukkonen K. *Popular Cultural Memory: Comics, Communities and Context Knowledge // Nordicom Review*. — 2008. — Vol. 29, № 2. — P. 261–273. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0190>
- Kyrchanoff M.W. *Historical grand narratives of the Seven Kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional Medieval historiography // Journal of Frontier Studies*. — 2018. — № 1. — P. 17–46. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00002>
- Kyrchanoff M.W. *Inventing Nostalgia for the "Golden Age" of the National Middle Ages and Fear of the Future // Galactica Media: Journal of Media Studies*. — 2020. — Vol. 2, № 4. — P. 112–151. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i4.106>
- MacCabe C. *High theory/low culture: analysing popular television and film*. — Manchester: Manchester Univ. Press, 1986. — 171 p.

Nora P. Rethinking France. Volume 4, Histories and Memories. — Chicago: University of Chicago Press, 2010. — XIV, 479 p.

Pence J. Postcinema/Postmemory // Memory and popular film. — Manchester: Manchester University Press, 2018. P. 237–256. <https://doi.org/10.7765/9781526137531.00020>

Rhodes M.A. Alternative pasts, presents, and futures in Star Trek: Historical engagement and representation through popular culture // *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 29–39.

Warf B. The Way It Wasn't: Alternative Histories, Contingent Geographies // *Lost in Space: Geographies of Science Fiction*. — London: Continuum, 2002. — P. 17–38.

References:

Abbott, S. (2010) *The Cult TV Book: From Star Trek to Dexter, New Approaches to TV Outside the Box*. New York: Soft Skull Press.

Almeida, J. M. de (2002) 'International Political Theory and the Issue of Legitimate Intervention', *Nação e defesa*, (2), pp. 155–170.

Assmann, A. (2010) 'From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past', in *Conflict, memory transfers and the reshaping of Europe*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., pp. 8–23.

Barber, J. (2017) 'Star Trek and the anthropological machine: Eliding difference to stay human', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 40–50.

Britton, D. F. (1997) 'Public History and Public Memory', *The Public Historian*, 19(3), pp. 11–23. <https://doi.org/10.2307/3379553>

Buzan, B. (2010) 'America in Space: The International Relations of Star Trek and Battlestar Galactica', *Milennium: Journal of International Studies*, 39(1), pp. 175–180. <https://doi.org/10.1177/0305829810371016>

Chavkin, D. and McGuire, B. (2021) *Star Trek: Designing the Final Frontier: How Midcentury Modernism Shaped Our View of the Future*. San Rafael: Weldon Owen.

Cogan, B. (2011) *Deconstructing South Park: Critical Examinations of Animated Transgression*. Lanham: Lexington Books Rowman & Littlefield Publishers.

Davidson, F. M. (2017) 'Owning the future: Manifest destiny and the vision of American hegemony in Star Trek', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 8–18.

Delasara, J. (2000) *PopLit, PopCult, and the X-Files: Critical Exploration*. Jefferson: McFarland.

Disch, T. M. (2000) *The Dreams Our Stuff Is Made Of: How Science Fiction Conquered the World*. New York: Touchstone.

Dittmer, J. (2010) *Popular Culture, Geopolitics and Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Dittmer, J. and Dodds, K. (2008) 'Popular Geopolitics Past and Future: Fandom, Identities and Audiences', *Geopolitics*, 13(3), pp. 437–457. <https://doi.org/10.1080/14650040802203687>

Dyson, S. B. (2015) *Otherworldly Politics: the International Relations of Star Trek, Game of Thrones, and Battlestar Galactica*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Fewster, D. (2006) *Visions of past glory: nationalism and the construction of early Finnish history*. Helsinki: Finnish Literature Society.

Geraghty, L. (2007) *Living with Star Trek: American culture and the Star Trek universe*. London; New York: Tauris.

Gonzalez, G. A. (2015) *The Politics of Star Trek: Justice, War, and the Future*. New York: Palgrave Macmillan US. <https://doi.org/10.1057/9781137546326>

Gonzalez, G. A. (2018) *Star Trek and the Politics of Globalism*. Cham: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-95411-0>

Gonzalez, G. A. (2020) *Popular Culture, Conspiracy Theory, and the Star Trek Text*. Lanham: Lexington Books.

Grainge, P. (2018) *Memory and popular film, Memory and popular film*. Manchester: Manchester University Press. <https://doi.org/10.7765/9781526137531>

Gunderman, H. C. (2017) 'Blurring the protagonist/antagonist binary through a geopolitics of peace: Star Trek's Cardassians, antagonists of the alpha quadrant', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 51–62.

Halbwachs, M. (1925) *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan.

Hall, R. A. (2021) *Robots in Popular Culture: Androids and Cyborgs in the American Imagination*. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC.

Hanovs, D. and Tēraudkalns, V. (2012) *Laiks, telpa, vadoņis: autoritarisma kultura Latvija, 1934-1940*. Riga: Zinatne Publ.

Heraclides, A. and Dialla, A. (2015) 'Intervention and non-intervention in international political theory', in *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester: Manchester University Press, pp. 81–98. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1mf71b8.9>

Kück, R. (2020) *Star Trek: Politics: The Political culture of a Sci-Fi Series*. Independently published.

Kukkonen, K. (2008) 'Popular Cultural Memory: Comics, Communities and Context Knowledge', *Nordicom Review*, 29(2), pp. 261–273. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0190>

Kyrchanoff, M. W. (2018) 'Historical grand narratives of the Seven Kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional Medieval historiography', *Journal of Frontier Studies*, (1), pp. 17–46. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00002>

Kyrchanoff, M. W. (2020) 'Inventing Nostalgia for the "Golden Age" of the National Middle Ages and Fear of the Future', *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(4), pp. 112–151. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i4.106>

Kyrchanoff, M. W. (2021a) 'SciFi Cinema as one of Spatial Localizations of Military Images in American Mass Culture', *Humanitarian Vector*, 16(5), pp. 77–86. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86>

Kyrchanoff, M. W. (2021b) 'When nations remember: what, where and how. Notes by a cultural anthropologist on the margins of a book by James Wertsch "How Nations Remember: A Narrative Approach"', *Istoričeskaâ èkspertiza*, (3), pp. 54–67. (In Russian).

MacCabe, C. (1986) *High theory/low culture : analysing popular television and film*. Manchester: Manchester Univ. Press.

Nora, P. (2010) *Rethinking France. Volume 4, Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press.

Pence, J. (2018) 'Postcinema/Postmemory', in *Memory and popular film*. Manchester: Manchester University Press, pp. 237–256. <https://doi.org/10.7765/9781526137531.00020>

Rhodes, M. A. (2017) 'Alternative pasts, presents, and futures in Star Trek: Historical engagement and representation through popular culture', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 29–39.

Sakwa, R. (2021) 'The Cultural Revolution of the West and World Politics', *Rossiya v globalnoi politike*, 19(5), pp. 86–90. (In Russian). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-86-90>

Tulchinsky, G. L. (2017) 'Historical Consciousness and Screen Culture', *The art and science of television*, 13(1), pp. 110–127. (In Russian).

Tulchinsky, G. L. (2019) 'Screen and Factor of Speed: from Narratives to Performatives', *The Art and Science of Television*, 15(2), pp. 29–40. (In Russian). <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2019-15.2-29-40>

Warf, B. (2002) 'The Way It Wasn't: Alternative Histories, Contingent Geographies', in *Lost in Space: Geographies of Science Fiction*. London: Continuum, pp. 17–38.

Информация об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов — доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 394063, Воронеж, Университетская пл. 1. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Maksym W. Kyrchanoff — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University, 1, Universitetskaya square, Voronezh, Russia, 394063 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 07.10.2022.

The article was submitted 30.08.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 07.10.2022.